

Раса Чепайтене Проблемы охраны исторического города

*Из книги: Раса Чепайтене. Культурное наследие в глобальном мире.
Вильнюс: ЕГУ, 2010. – С. 129-146.*

Цель этой части книги – проанализировать, как в ходе веков в Западной Европе изменялся взгляд на древние города, как подбирались теоретические и практические модели их сохранения и какое значение и функции придают сегодня общества этих стран урбанистическому наследию.

Исторический город – это урбанистическая структура высокого уровня сложности и многогранности, которая сложилась в течение веков во взаимодействиях природы и культуры. Ее можно разделить на несколько основных пластов:

- 1) основа города – *природно-культурный ландшафт*;
- 2) сеть улиц и общественных пространств, *формирующая кварталы, которые в свою очередь делятся на владения*;
- 3) архитектура – *здания и строения*;
- 4) пространственный пласт – *визуальные доминанты города, его панорамы и силуэты*.

Как уже упоминалось, город можно считать разновидностью культурного ландшафта. Поэтому современное **городское планирование**⁷⁰ также имеет связь с охраной наследия. Область их взаимосвязей охватывает проблемы новой застройки в историческом окружении, гармоничного взаимодействия старого и нового. Нужно отметить, что в наследиеведении исторических городов сложилась традиция акцентировать охранную, а не интерпретационную сторону вопроса. Современные архитекторы городов должны все более обращать внимание на возрастающие масштабы туризма. Поэтому углубленные **исследования туризма**⁷¹ тоже становятся актуальными для охраны (и *vice versa*).

Эволюция идеи сохранения исторических городов отражает не только общие социополитические, экономические и культурные ориентации западной цивилизации, но и их изменение во времени. Как известно, интеллектуалы эпохи Ренессанса «открыли», а Просвещения – популяризировали наследие античного мира Средиземноморского региона. Тогда формировалась установка, что образованные и обеспеченные люди должны знать и уметь ценить древние памятники. Вследствие этого начались ритуальные путешествия в Рим и другие центры античной цивилизации, быстро превратившиеся в традиционные путешествия по маршруту *Grand Tour*⁷². Позднее появившийся массовый туризм стал значимым стимулом и для первых попыток охраны архитектурных и урбанистических реликтов. Это показывает, что феномены классической охраны памятников и туризма – тесно взаимосвязанные и почти одновременные явления.

В XVIII – первой половине XIX в. проблема охраны городских памятников в Западной Европе была больше всего актуальной в интеллектуальной среде художественных, литературных, исторических и научных сообществ и господствовала в таких культурных центрах, как Лондон, Берлин или Париж⁷³.

Ее формированию больше всего содействовали романтизм и общественная реакция на быструю урбанизацию и индустриализацию. Поэтому и исторические города стали весьма значительными объектами заинтересованности специалистов и общества из-за индустриальной революции и проходившей под ее влиянием трансформации урбанистического пространства, а также таких социально-экологических изменений, как распад местных обществ, ослабление связей человека с конкретным местом – «отчизной», которые вызвали травму утраты традиционного окружения.

⁷⁰ G. J. Ashworth, J. E. Tunbridge, *The Tourist-Historic City*. Chichester, John Wiley and Sons, 1990; F. Bianchini, *Cultural Planning for Urban Sustainability, City and Culture: Cultural Processes and Urban Sustainability* (ed. by L. Nystrom). Kalmar, The Swedish Urban Environment Council, 1999, p. 34-51.

⁷¹ *Heritage, Tourism and Society* (ed. by David T. Herbert). London, Mansell, 1995.

⁷² Pascal Cuvelier, *Anciennes et nouvelles formes du tourisme*. Paris, L'Harmattan, 1998.

⁷³ G. J. Ashworth, J. E. Tunbridge, *The Tourist-Historic City*., p. 9-10.

Однако в новое время прогрессирующая эволюция науки и техники содействовала и более прагматической оценке объектов наследия. Объемное исследование исторических явлений в то время сменилось фрагментарными тенденциями прогнозирования будущего, которые принесли немало вреда культурным ценностям. Противопоставление древних городов новым индустриальным вызывалось не обязательно стремлением сохранить древности. История урбанистических теорий отнюдь не совпадает с развитием охраны наследия исторического города. Поэтому рассмотрение вариаций взглядов на понятие исторического города позволит хотя бы кратко ознакомиться с эволюцией урбанистической мысли.

В истории как доурбанистических, так урбанистических идей можно выделить два главных направления: «прогрессивное» и «культуралистическое»⁷⁴. Первое направление (XIX в.), мотивируя необходимость создания подходящих условий жизни (особенно гигиенических) и учитывая прогресс науки и техники, больше ориентировалось на будущее – рациональную композицию жизненного пространства. Едва ли не самый яркий пример реализации этих идей – так называемая османнизация (производная от фамилии префекта Парижа Ж.Э. Османна (Haussmann), проводившего радикальную перестройку старого города), оказавшаяся для многих стран Западной Европы вплоть до второй половины XX в. доминирующим способом обращения со старым городом⁷⁵.

«Прогрессисты», к которым следует отнести и ранних советских урбанистов-«конструктивистов» М. Гинзбурга, И. Кузьмина, спроектировавшего «социалистический город» М. Милютина, создавали функциональные города. Им казалось, что город – это пространственное проявление социополитической системы. Эти идеи в первой половине XX в. больше всего пропагандировал CIAM⁷⁶ и архитектор-модернист Ле Корбюзье, который в 1925 г. предлагал снести старинные кварталы Парижа, построив на их месте стандартные небоскребы и сохранив только несколько выдающихся архитектурных памятников⁷⁷.

Эта идеология *tabula rasa* господствовала на Западе до принятого во Франции в 1962 г. по инициативе министра культуры Андре Мальро *Закона об охраняемых секторах*⁷⁸. Характерно, что в *Венецианской хартии* 1964 г. тоже ничего не говорится об исторических городах (упоминаются только ансамбли). Приходится признать, что до 90-х гг. XX в. охраной исторических городов *как таковых* на Западе очень мало занимались. Поэтому в 1980-1982 гг. Совет Европы организовал кампанию «Ренессанс урбанистики», которая стимулировала интерес разных общественных организаций и самого общества к городскому вопросу. Но только в 1987 г. ICOMOS принял *Вашингтонскую хартию*, посвященную именно охране исторических городов⁷⁹, а еще позднее – в 1993 г. – появилась *Европейская урбанистическая хартия*⁸⁰.

«Культуралисты» стали оспаривать свойственное «прогрессистам» технократическое мышление еще во второй половине XIX в., и их можно причислить к своеобразным первопроходцам постиндустриального общества. Они не считали, что можно опираться только на рационализм и прагматизм и отбросить такое явление, как эмоции и чувства. Сторонники «культуралистического» направления перспективы будущего города связывали в основном с его прошлым. Учитывая сказанное, можно утверждать, что охрана урбанистического наследия формировалась как противопоставление доминирующим процессам урбанизации, когда начали ценить знаки исторического развития и изменения города. «Культуралисты» утверждали, что город – это отражение культуры, и он вместе с жителями создает органическое целое, которому угрожает модернизация и индустриализация. Поэтому мировоззрению части сторонников этого направления свойствен последовательный пессимизм

⁷⁴ Pierre Merlin, *L'urbanisme*. Paris, Presses universitaires de France, 1991, p.25-54.

⁷⁵ Marcel Roncayolo, La production de la ville, *La ville de l'âge industriel. Le cycle haussmannien* (sous la dir. de M. Agulhon). Paris, Seuil, 1998, p. 81-169.

⁷⁶ CIAM – Congrès Internationaux d'Architecture Moderne – созданная в 1928 г. Международная организация архитекторов, устраивавшая конгрессы (в 1933 г. объявивший знаменитую Афинскую хартию), во многом определившая развитие мировой архитектуры. Влияние идей CIAM было особенно сильным в развивающихся странах, на Ближнем и Дальнем Востоке.

⁷⁷ Françoise Choay, *L'allégorie du patrimoine*., p. 94.

⁷⁸ Yvon Lamy, *Du monument au patrimoine*., p. 50-81.

⁷⁹ *Charter for the Conservation of Historic Towns and Urban Areas*, http://www.international.icomos.org/charters/towns_e.htm (см. 2009 03 12)

⁸⁰ *The European Urban Charter. Standing Conference of Local and Regional Authorities of Europe An Urban Management Handbook*. Strasbourg, Council of Europe Press, 1993.

(особенно почитание стиля средневековья, готики), ностальгия по прошлому и желание безусловно сохранять старую структуру и атмосферу города.

Определенным компромиссом, пытавшимся примирить эти противоположные взгляды, можно считать позицию сформировавшегося и развивавшегося во второй половине XIX в. направления архитектуры историзма (эkleктики, неостилей). Последняя тоже выражала сознательную ориентацию ее создателей на прошлое, желая этим психологически смягчить сопротивление горожан быстрым темпам появления новых архитектурных элементов (XIX в. по количествустроек сильно обошел предыдущие эпохи). Щит исторических форм должен был производить впечатление медленной эволюции, постепенного изменения⁸¹. В свою очередь историзм послужил углублению исследований по истории архитектуры и утверждению ставшей популярной во второй половине XIX в. в некоторых странах Западной Европы методики «стилистической реставрации» архитектурных памятников⁸².

На «культуралистское» направление большое влияние оказали идеи британских интеллектуалов. Благодаря теоретику искусства Дж. Рескину и художнику У. Моррису исторический город стал восприниматься как памятник прошлого⁸³. До тех пор внимание интеллектуалов к городу ограничивалось больше всего познанием находящихся в нем отдельных выдающихся архитектурных произведений. В свою очередь историки до второй половины XX в. интересовались только юридическими, политическими, экономическими, социальными или религиозными институтами города, но не им самим как пространственным целым. Город как таковой история архитектуры XIX в., по сути, тоже игнорировала. Поэтому британский интеллектуальный вклад повлиял не только на появление в Объединенном Королевстве в 1895 г. организации *National Trust*, но и на другие страны Европы, особенно Италию, где Густаво Джованнони позднее разовьет идею охраны «малой» или «домашней» архитектуры, составляющей основу древнего урбанистического ансамбля.

Обобщая эти и другие не затронутые здесь идеи, можно утверждать, что эволюция взглядов на исторический город как на комплексный и неделимый культурный памятник вела к трем возможным способам поведения, выявляющим соответственно: 1) *мемориальное*, 2) *подражательское* и 3) *историческое* его понимание⁸⁴.

1. Согласно Дж. Рескину, исторические города являются монументами прошлого (предназначенными для сохранения памяти этого прошлого). Они являются гарантами нашей исторической преемственности и индивидуальной, локальной, национальной и цивилизационной идентичности. В этом случае они воспринимаются как испытывающий потенциальную угрозу исчезновения редкий, хрупкий, ценный для искусства и истории объект. Поэтому для сохранения его надо исключить из «оборота жизни». По сути, это поведение логически приводит к «замораживанию» состояния исторического города – своеобразной его музеефикации, – поскольку он становится неприкосновенной и бесценной абсолютной ценностью. Парадоксально, что, превращенный в «мемориальный», такой город как раз теряет свою историчность и возможность приспособиться к изменениям. Таковы, например, археологические города – «города под колпаком». Но даже этот тип исторического города, выделяемый философом архитектуры Ф. Шоз, с трудом представляем в «чистом» виде. В лучшем случае его действительно можно связывать только с такими мертвыми городами, как Персеполис, Мачу-Пикчу или Помпея⁸⁵, а в иных случаях эта охранная стратегия, видимо, могла бы подойти только сугубо аутентичным урбанистическим или архитектурным структурам небольшого объема.

2. Согласно позициям архитекторов XIX – начала XX в. Э. Виоле-ле-Дюку и К. Зитте, сложившийся в ходе истории и отличающийся высоким эстетическим уровнем старый доиндустриальный город может стать примером для современного города, которому не свойственно стремление к красоте. Это отнюдь не означает слепого копирования его форм в новой архитектуре, а только выражает потребность узнать морфологию и логику изменчивости исторического города, поскольку разно-

⁸¹ Nijolė Luksionytė-Tolvaisienė, XIX ir XX a. pradžios architektūra: apsaugos ypatumai, *Lietuvos kultūros kongresas*. Vilnius, 1991, p. 322-326.

⁸² Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation...*, p. 137-156.

⁸³ Ibid., p. 184-186.

⁸⁴ Françoise Choay, *L'allégorie du patrimoine...*, p. 130-151

⁸⁵ Pietro Giovanni Guzzo, Archaeology around Vesuvius: a Part of the World Heritage, *The World Heritage*, 1998, no. 7, p. 6-15.

образе пространственных конфигураций каждой эпохи и стиля опирается на специфические эстетические эффекты, познание которых позволило бы определить постоянные принципы и правила развития исторического города.

Это прагматический, *пропедевтический* (подготовительный), дидактический способ восприятия древнего города и использования его принципов при создании современных городов, примиряя оппозицию прошлого – настоящего. Ему не противоречит и *музейное* восприятие. Только в этом случае старый город-музей не обязательно должен быть «под колпаком» и неприкосновенным. Техники консервации и реставрации дают возможность вернуть ему утерянные части, позволяющие воссоздать его прежний целостный облик. Кстати, в этом взгляде сокрыт сильный *этнологический* элемент (культурной уникальности города).

3. Третий, современный, взгляд является попыткой синтеза, но вместе с тем и преодоления двух первых. Опираясь на идеи итальянского урбаниста Г. Джованнони, специалисты сегодня пытаются согласовать утилитарную и музейную ценности древнего города, интегрируя их в общую концепцию территориального планирования. Этот вопрос следует рассмотреть подробнее.

Уже упоминалось, что для сохранности аутентичности исторических городов футуристические и прогрессивистские установки имели, скорее, негативные последствия. Поэтому с 70-80-х гг. XX в. цели и методы западной модели охраны наследия стали меняться и все больше учитывать потребности сохранения ценностей урбанистического наследия и его интеграции в современную жизнь. Было осознано, что эта область требует междисциплинарного, комплексного и последовательного подхода, охватывающего как теорию, так и практику.

Сегодня *урбанистическое наследие* (понятие, введенное Г. Джованнони в межвоенное время) охватывает своеобразное целое элементов различной природы, составленное как из отдельных памятников, так и из структуры древнего города и промышленных комплексов. Этот термин подходит не только к охраняемым древним городам, но и к новым городам, например, Бразилии. Кроме того, он получает свой смысл и значение не как автономный объект, но как составная часть общей урбанизации⁸⁶.

Пророчески предвидев появление постиндустриального общества, архитектор Г. Джованнони предугадал и реактуализацию центров и кварталов старых городов. Он верил, что если они будут надлежащим образом охраняемы, т.е. если в них не будет проводиться противоречащая их морфологии деятельность, то старые города снова обретут свое утилитарное значение даже в нескольких аспектах: а) как исторические памятники, отражающие художественную, историческую и просветительную ценности, и б) будут стимулировать создание новых пространственных конфигураций так же, как это представлял Э. Виоле-ле-Дюк⁸⁷.

«Исторический город – это памятник, но также и живая ткань» – на этом основании Г. Джованнони создал свою доктрину охраны урбанистического наследия, опирающуюся на три принципа: 1) любой старый урбанистический фрагмент должен быть интегрирован в местный, региональный или территориальный план управления; 2) исторический памятник воспринимается только вместе с контекстом его окружения, эти связи очень важны, а их нарушение губительно; 3) работы по охране урбанистического наследия должны стремиться к сохранению или воссозданию органически сложившихся связей между зданиями, их масштабами и морфологией. Таким образом, рекомпозиция, реинтеграция и перемещение становятся возможными, но свобода вмешательства ограничена уважением к *genius loci* (духу места) окружающей среды⁸⁸.

Однако на практике этот третий путь, еще называемый «синтезом огня и воды», очень сложен. Хорошо таким сохранившим единство историческим городам – «игрушкам туристов», – как Венеция, Флоренция, Утрехт или Брюгге, в которых охрана урбанистического наследия совпадает с надзором или консервацией. В более гетерогенных городах у администраторов наследия возникает гораздо больше проблем. Бывшие ранее торговыми, административными или религиозными центрами,

⁸⁶ Gustavo Giovannoni, *L'urbanisme face aux villes anciennes*. Paris, Seuil, 1998.

⁸⁷ Françoise Choay, *L'allégorie du patrimoine...*, p. 147.

⁸⁸ Françoise Choay, Introduction, Gustavo Giovannoni, *L'urbanisme face aux villes anciennes*. Paris, Seuil, 1998, p. 12-14.

сегодня древние города часто не соответствуют новым потребностям и проблему их ревалоризации приходится решать по-новому.

Как уже упоминалось, быстрый рост городов во второй половине XIX в. впервые в широком масштабе создал дилемму разрушения и сохранения старых построек. Поэтому, стремясь воспрепятствовать их уничтожению, некоторые страны принялись издавать законы об охране и начали работы по реставрации старых зданий, вызвавшие много споров специалистов из-за их целей и методов.

Практическое начало охраны старых городов можно отчасти связать с возникшей в конце XIX в. идеей *скансена* (музея под открытым небом). Именно тогда концепция памятника как единицы охраны была расширена и памятник стал восприниматься как комплекс или ансамбль построек. Было оценено и значение окружения этого многопланового объекта.

В первой половине XX в. уже большинство стран Европы стали охранять великие памятники архитектуры и культурный ландшафт. Это привело к движению по охране природного наследия (организация Национальных парков в США, Австралии, Канаде). Однако самый широкий размах реконструкция городов получила в середине XX в., когда потребовалось ликвидировать последствия Второй мировой войны, хотя некоторые страны, например Бельгия, Франция и Германия, с этой проблемой столкнулись еще во время Первой мировой войны.

Реконструкция, кстати, охватила не только части городов, традиционно считавшиеся «историческими», но и более новые. Производилась она по-разному. В одних местах, опираясь на принципы «прогрессистского» урбанизма, строительство проходило с учетом больше функционального, утилитарного назначения архитектуры, отдавая предпочтение требованиям модернизации благоустройства, например в Берлине, Москве. А там, где древние части города было решено сохранить, интервенция в них была больше ориентирована на реновацию (обновление). С точки зрения урбанистического наследия это часто принимало черты фасадизма, еще иначе – брасселизации, поскольку мода сохранять старые фасады исторических построек, радикально обновляя все остальное, кажется, возникла в Брюсселе.

В других местах из патристических соображений предпринимались попытки воссоздать прежний облик старых центров. В этом отношении самый знаменитый случай – восстановление старого города Варшавы. Только после Второй мировой войны охрана памятников исторических городов наконец начинает приобретать и международный масштаб. Сильный импульс этому дала необходимость спасать Венецию после наводнения 1966 г. (проект *Save Venice*), позволившая наконец оценить исторический город как составную часть всемирного наследия⁸⁹.

Желая сохранить сегодня жизнеспособным и привлекательным такой сложный организм, как исторически сложившаяся урбанистическая структура, приходится решать множество проблем. В этом контексте концепция охраны наследия города требует нескольких фундаментальных взаимодополняющих программ действий: 1) комплексных междисциплинарных исследований, 2) приведения в системный порядок памятников (охватывающих юридические, административные и технические средства) и 3) стратегического планирования управления ресурсами наследия и предъявления их широкой публике. Остановимся кратко на каждой из них.

Первое: в исследованиях исторических городов сегодня все большая роль отводится городской или спасательной археологии как фактору, предназначенному интегрально объединить разноплановые, поддержанные подходами различных социально-гуманитарных наук методы познания исторического города. Практика многих стран показала, что исследование, приведение в порядок и охрана единичных, хоть и самых выдающихся, архитектурных форм – «памятников» – отдельно от общего социокультурного контекста не дают тех результатов, на которые рассчитывают администраторы наследия. Такой элитарный и элементный взгляд, вырывающий конкретный объект из его среды, действительно обедняет как его, так и

⁸⁹ Masimo Cacciari, *Un projet d'ensemble pour Venise*, Yannis Tsiomis, *Ville – cité. Des patrimoines européens*. Paris, Picard, 1997, p. 201-207.

сам город, превращая последний в коллекцию только исключительных, «точечных» шедевров архитектуры.

Таким образом, ориентация современной охраны наследия не на охрану отдельных, хотя и исключительных, памятников, а на более широко понимаемое наследие имеет большое значение для изменения самого понятия целей и смысла исследований. Теперь городская археология занимается не раскопками отдельных объектов, а изучением объективно детерминированных и закономерных социоэкономических процессов исторического развития города и их причинных взаимосвязей, которому только и могут служить конкретные археологические исследования. Конечно, при стремлении к этой цели не избежать сотрудничества с историей, искусствоведением, историей архитектуры, социологией, краеведением. Собственно говоря, уже недостаточно иметь дело только с артефактами, поскольку нужно осмыслить и экофакты⁹⁰.

Такое – системное – понятие выполняемых в историческом городе исследований стало формироваться с 1969 г., когда в Лондоне появился первый вариант Конвенции по охране европейского археологического наследия, усовершенствованный в 1992 г. в Валетте⁹¹. Но пришлось ждать 2000 г., когда Советом Европы был принят кодекс надлежащей деятельности Европы «Археология и урбанистический проект». В нем записано, что «охрана и создание не являются неизбежно противоположными. Археология, дополняемая письменными источниками и иконографией, является первым и неизбежным шагом в любом планировании города. Ее цель – не только исследования структуры и эволюции города, но также анализ его социального и культурного развития»⁹².

Второе: в управлении охраной наследия западных исторических городов уже с 50-60-х гг. XX в. была выбрана модель публичного/частного развития. Благодаря ей увеличилась ориентация на активное привлечение частных инвестиций. Выбор этой модели, к сожалению, имел и имеет не только положительные последствия. Было замечено, что сознательная и открытая ориентация на получение выгоды, если она совершенно не контролируется государством или самоуправлением, имеет тенденцию негативно отражаться не только на состоянии культурных ценностей, находящихся в исторических городах, например, при их переработке из соображений модернизации, но и на демографической и социальной ситуации этой части города. Последнее было названо термином джентрификации (англ. *gentrify* – сделать буржуазным), обозначающим появление престижных районов города, заселенных представителями богатых слоев общества при вытеснении и маргинализации прежних жителей⁹³. Этот процесс имеет большое значение как для изменения идентичности местного общества, так и для облика самих исторических частей городов, превращающихся в закрытые элитные районы. Поэтому джентрификацию, вызвавшую своеобразную социальную сегрегацию с 1980-х гг., начали открыто критиковать. Начались разговоры о «дуалистическом», «поляризованном» или «двухскоростном» городе⁹⁴, предпринимались попытки ее ограничить с помощью децентрализованной, дестандартизированной модели урбанистического планирования и управления наследием, учитывающей и местную специфику. Суть современной стратегии исторических городов – так называемый путь изменения благодаря консенсусу (*change through consensus*), стремящийся избежать открытой или скрытой конфронтации различных заинтересованных групп⁹⁵. Урбанистическое планирование стремятся сделать более демократичным, а собранные в исторических городах ресурсы наследия – более доступными как для усиливающихся местных общин, так и для приезжающих туристов.

⁹⁰ *Urban archaeology* [www.all-science-fair-projects.com/science_fair_projects/encyclopedia/Urban archaeology](http://www.all-science-fair-projects.com/science_fair_projects/encyclopedia/Urban%20archaeology) (см. 2004.05.30).

⁹¹ *European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage*. Valetta, 1992, <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/143.htm> (см. 2009 03 12)

⁹² *European Code of Good Practice: „Archaeology and the Urban Project”*, [www.coe.int/T/E/Cultural Co-operation/Heritage/Resources/Code.Archeo.asp](http://www.coe.int/T/E/Cultural_Cooperation/Heritage/Resources/Code.Archeo.asp) (см. 2004 04 15).

⁹³ J. McGuigan, *Culture and the Public Sphere*. London, Routledge, 1996, p. 104.

⁹⁴ Melanie K. Smith, *Issues in Cultural Tourism Studies*. London, Routledge, 2003, p. 164.

⁹⁵ G. J. Ashworth, J. E. Tunbridge, *The Tourist-Historic City ...*, 1990, p. 22.

Третье: реализации системных целей нужно и соответствующее представление ценностей наследия и навыков его интерпретации. Уже осознано, что одни и те же ресурсы наследия могут удовлетворять как культурные, так и политические и экономические потребности. Однако культурные и политические приоритеты развития наследия прежде всего связаны со стремлением к социальной гармонии (при попытке нейтрализовать потенциальное напряжение), а экономические приоритеты больше ориентируются на привлечение инвестиций и рынок туризма, который к местным проблемам часто остается равнодушным.

Следует остановиться еще на одной теме. В 80-90-е гг. XX в. волна деиндустриализации, прокатившаяся по Западной Европе, заставила проектировщиков приняться и за программы реабилитации городов или кварталов индустриального периода, одновременно пытаясь решать накопившиеся в них социальные проблемы, прежде всего безработицы. Это занятие было не из легких из-за того, что индустриальные города обычно не соответствовали эстетическим требованиям, предъявляемым к объектам наследия⁹⁶. Из подражания принципам управления центрами исторических городов во многих из них были начаты широкомасштабные поиски и эксплуатация ресурсов наследия, вскоре вызвавшие неоднозначные оценки специалистов. Например, британский археолог Кевин Уолш, назвавший это явление *heritagization*, отметил его негативные последствия: чрезмерную склонность эстетизировать пространство города и особенно неизобретательность управляющих наследием, чаще всего выбирающих самый легкий вариант – применение стандартизированной схемы регенерации, которая разрушала и унифицировала специфический характер местности⁹⁷.

Следует упомянуть, что прежнее разнообразие городов сегодня нивелируется и инвестициями международных коммерческих организаций, превращающих их в однородные и обезличенные⁹⁸. Вызывает беспокойство и то, что потребности становящегося все более массовым туризма тоже неизбежно изменяют как физический облик городов, так и их культуру и образ жизни⁹⁹. Эти примеры показывают, что, решая проблемы восстановления объекта такого высокого уровня сложности, как исторический город, все последствия выбранных действий предусмотреть трудно. Однако поиск конкретных решений облегчился бы детальным изучением исторических ценностей конкретного города и стремлением к их сознательному отбору и выявлению.

Поэтому сегодня очевидно, что в историческом городе важен не только его архитектурно-эстетический облик, морфологические и функциональные структуры, но и в каждом случае – уникальное историческое развитие, влияющее на выбор экономических и социальных приоритетов настоящего и будущего города.

На современную охрану и концепцию исторических городов самое большое влияние оказали такие существенные факторы, как связанность природных и культурных ценностей (исчезает грань между охраной этих различных сфер); расширение самого объекта охраны наследия (от отдельного здания к целым городским ландшафтам или местностям); обнаруженные и комплексно освоенные ценности объектов наследия различных уровней (универсальные, национальные, региональные или локальные).

С учетом всех этих факторов современная охрана наследия исторических городов больше не является самоцелью («превращающая в музей» исторический город и «замораживающая» «охрана ради охраны»), но становится средством для интегрального взаимодействия культуры прошлого-настоящего-будущего. Словом, современное системное управление наследием стремится к широкому пониманию его, охватывая все возможные знаки и реликты, которые свидетельствуют о человеческой деятельности и вековых достижениях¹⁰⁰.

⁹⁶ Melanie K. Smith, *Issues in Cultural Tourism Studies...*, p. 161.

⁹⁷ Kevin Walsh, *The Representation of the Past: Museums and Heritage in the post-modern World*. London, Routledge, 1992, p. 136.

⁹⁸ Melanie K. Smith, *Issues in Cultural Tourism Studies...*, p. 169.

⁹⁹ P. Boniface, P. J. Fowler, *Heritage and Tourism in „the Global Village“*. London, Routledge, 1996, p. 64.

¹⁰⁰ Bernard M. Feilden, Jukka Jokilehto, *Management Guidelines for World Cultural Heritage Sites*. ICOMOS, WHC, 1998, p. 13.

Охрана исторических городов складывается из множества противоречивых критериев. Как выбрать из них приоритетные? Урбанистическое планирование, частью которого сегодня является охрана наследия, определяется не только идеологическими установками (часто нерелексируемы), но и предопределенными конъюнктурой конкретного периода веками культурной политики. Хотя исторические города всегда были материальным отражением определенных социополитических установок, но, по мнению специалистов, только во второй половине XX в. урбанистическая регенерация стала неотделимой от определенной сознательной культурной политики¹⁰¹.

По утверждению Ф. Бьянчини, в западных странах можно выделить несколько этапов регенерации городов, отражающих определенные актуальные положения культурной политики.

1. **Период реконструкций** (послевоенное время – 1970-е гг.) отличался стремлением через воссоздание разрушенных урбанистических структур поощрять усвоение высокой и традиционной культуры (строилось много театров, музеев и др.).

2. **Период социальной интеграции** (начало 1980-х – середина 1990-х). Для культурной политики этого времени большое значение имело положение, сложившееся после парижских событий 1968 г., и различные социальные движения: феминистское, молодежное, гомосексуалистов и этнических меньшинств. Последние группы ставили под сомнение традиционное разделение «высокой» и «низкой» культур. Вследствие этого пришлось учитывать также урбанистические потребности различных социальных групп и «меньшинств» (таким образом появились экспериментальные театры, рок-клубы, альтернативные средства массовой информации и т.п.).

3. **Период рыночного управления городами** (с середины 1990-х гг. до настоящего времени). Интересы экономического развития теперь стали господствовать над удовлетворением социополитических потребностей. Переориентация способов производства при переходе к постиндустриальной (информационной) стадии развития общества заметно влияет и на выбор стратегий развития городов. Акцентируется сектор разнообразных услуг, формируется новый облик города, опирающийся на культурную индустрию (особенно туризм и наследие); на этой основе поощряются внутренние и иностранные инвестиции¹⁰².

Во второй половине XX в., когда большое распространение получила философия потребления, урбанистический облик города начал сильно изменяться. Укоренилась практика перенесения производства из городов в удаленные регионы или даже другие страны. Так создавались условия для реструктуризации заново открывшихся пространств и превращения их в более привлекательные для горожан и туристов. Создание инфраструктуры очагов потребления начало постепенно менять производственную инфраструктуру города – вместо заводов, доков, железных дорог возникают крупные торговые центры, сети кинотеатров, ресторанов. Все вышесказанное можно обобщить в виде таблицы:

Тенденции планирования городов в XX в.¹⁰³

Период	Социальноэкономические тенденции	Установки урбанистического планирования
До конца XIX в.		Традиционная радиальная концентрическая пространственная организация города. Планируется по периметру улиц
Конец XIX в. – начало XX в.	Экономический рост, промышленный переворот, концентрация капитала, экономические кризисы, рост численности жителей	Идея <i>города-сада</i> и застройка пригородных территорий (Е. Э. Ховард, В. Христлер), пространственная и функциональная дифференциация «пятен» городов. Концепция линейного города (А. Сория и Мата). Распадается периметрическая застройка
Довоенное время и Вторая мировая война	Укрепление тоталитарных режимов	Акцентирование «национального величия» в тоталитарной урбанистике (традиционализм, – дольше всего – в СССР)

¹⁰¹ K. Worpole, *Trading Places: the City Workshop, Whose Cities?* (ed. by M. Fisher and U. Owen). London, Penguin, 1991, p. 143.

¹⁰² F. Branchini, *Cultural Planning for Urban Sustainability*, p. 34-51.

¹⁰³ Таблица составлена на основе: P. Newman, A. Thomey, *Urban Planning in Europe: international Competition, national Systems and Planning Projects*. London, Routledge, 1996; Nan Ellin, *Postmodern Urbanism*. N.Y., Princeton Architecture Press, 1996; *The New Charter of Athens 2003*. The European Council of Town Planners' Vision for Cities in the 21st Century. <http://www.ceutp.org/athens/> (жр. 2009 03 12)

Период	Социальноэкономические тенденции	Установки урбанистического планирования
1960-е гг.	Ликвидация последствий войны. Конвейерный принцип в производстве, стандартизация и унификация	Типичная архитектура, интенсивное развитие пригородов, «текущие» пространства
1970-е гг.	Экономический подъем, отступление промышленности для нужд сектора услуг	Региональное и государственное планирование. Иерархическая и технологическая схема. «Назад к центру». Реновации старых городов. Джентрификация. Возрастающее недовольство монотонностью современной архитектуры, разрушением местного духа
1980-е гг.	Мировой финансовый кризис (1972 г.), экологическое движение, децентрализация власти	Демократизация планирования и включение общества, помощь науки, нейтральная социальная и техническая инфраструктура. Кризис механистического мировоззрения. Дискредитация разложения функциональных зон. Возвращение к предурбанистическому, периметрическому планированию, реабилитация урбанистического наследия и возрождение старых городов. Отказ от принципов модернизации
с 1990-2000-е гг.	Ориентация на рынок, деиндустриализация, транснациональный капитализм («летающие» инвестиции)	Кризис планирования (последствия модернизма - разрушенное архитектурное наследие, расколовшиеся и обесилленные общества, рабочие места отделены от жилых зон, возросшая социальная дифференциация, экологические проблемы, монотонность), дискредитация научности из-за непрогно-зируемости изменений. Планирование старается привлечь международный капитал, формируя образ города, привлекательного для бизнеса. Строительство новых объектов, зданий бюро, престижных бизнес-центров, супермаркетов и т.д. «Партнерство» частного и общественного секторов и дерегуляция. Усиление джентрификации и появление псевдообщественных пространств
С начала XXI в.		Концепция сбалансированного (гармоничного) развития, концепция экологического города. Сомнения в успехе дерегуляции

Приходится признать, что сегодня между чисто экономическими аргументами, когда урбанистическое наследие охраняется в целях туризма, социальными аргументами, ориентированными на местное благополучие, и политическими аргументами, когда культурные ценности используются из идеологических соображений, не остается явного водораздела. Не все специалисты считают потребности охраны урбанистического наследия и развития городов неизбежно антагонистическими. Как показывает множество примеров во всем мире, охрана и использование урбанистического наследия, наоборот, может стать необыкновенно эффективным стимулом экономического роста городов и всей страны.

Польза, приносимая охраной урбанистического наследия, поддерживаемая экономическим развитием, яснее всего заметна в создании рабочих мест в регенерированных пространствах, передаче старых ремесел и коммерческих навыков, предложении рынку местных технологий, материалов и работников. Кроме того, старая местная архитектура часто бывает более продвинутой с точки зрения эргономики, использования тепла и других видов энергии по сравнению с новой, международной, а старые здания оказываются эстетически не только более высокого качества, но и могут быть прекрасно пригодны в новой функции.

Поскольку глобализация означает быстрое изменение, это ведет к ускоряющейся трансформации общества и, как следствие, его дестабилизации. Поэтому надлежащее использование исторического окружения может дать и чувство стабильности и преемственности. Кроме того, особенно важным становится осознание значения конкретного физического места в контексте детерриторизации, поскольку виртуальные общества никогда не смогут полностью заменить реальные. На основании этого американский специалист по наследию Д. Рипкема выделяет пять принципов удачного управления историческими городами¹⁰⁴:

1. **Адекватный ответ глобализации.** Игнорировать ее или признавать, но не реагировать было бы губительно, поэтому города должны определить и использовать свои сильные стороны (особенно историческую уникальность) в глобальной конкуренции и тем самым смягчить негативные последствия унификации культур. Здесь особенно важна значимость идентичности, когда физические и культурные символы и атрибуты города связаны только с ним и глобально легко распознаваемы.

¹⁰⁴ Donovan D. Rypkema, Celebrating our Urban Heritage. Globalisation, Urban Heritage, and the 21st Century Economy, *Global Urban Development*, Volume 1, Issue 1, May 2005 (<http://www.globalurban.org/Issue1PIMago5/Rypkema%20PDF.pdf>, (см. 2007 11 21).

Современный человек может быть образованным «гражданином мира», однако одновременно сохранять привязанность к своим корням, родному месту, хотеть обогатить страну своего происхождения и местную культуру. Из этого следует потребность идентифицировать имеющиеся человеческие, природные, физические, местные, культурные, функциональные ресурсы и надлежащим образом их использовать.

2. **Локализация** (*localisation*) или **уникальность места** (*genius loci, urban soul*) – это большая ценность, потому что город не является «каким-либо» или «никаким», это «именно то» самое место, кроме того, в глобальном мире – это приоритет качества над количеством. К тому же города не застыли во времени, они меняются, облик города должен отражать его функциональную, эстетическую, историческую и культурную эволюцию.

3. **Разнообразие** (*diversity*). Мобильность и разнообразие жителей, различные местные экономики, различные потребители и различные, гетерогенные, нестандартные товары и продукты могут стать преимуществом в глобальной конкуренции городов.

4. **Сбалансированность** (*sustainability*) может быть функциональной (публичная инфраструктура, использование ресурсов), фискальной (местная власть, администрирование), физической (строительное окружение) или культурной (местные традиции, обычаи, навыки) и может помочь городам найти равновесие между интересами, направленными «внутрь» и «наружу».

5. **Ответственность** (*responsibility*) за надлежащее использование ресурсов и экономическое развитие должна быть равномерно распределена по различным уровням: правительство, местная власть, частный сектор, неправительственные организации и горожане. Это позволило бы избежать конфликтов, которые часто возникают при неспособности или нежелании согласовать потребности и ожидания различных заинтересованных групп. Кроме того, чувство общности объединяет жителей города взаимосвязями, поскольку все общества имеют свою историю и память.

Итак, разные города обладают собственными ресурсами наследия, которые они могут своеобразно использовать, не имитируя других, и таким образом стать конкурентоспособными, а это, по мнению Д. Рипкема, **беспроеигрышная игра**. В то же время последствия глобализации проявляются в том, что города не защищены от колебаний мировых циклов экономики. Однако даже во время кризиса урбанистическая охрана наследия может стать стабилизирующим фактором при смягчении негативных последствий (антицикличность).

В охране наследия гражданское общество может проявить себя наиболее эффективным образом, защищая, развивая и творчески используя исторические здания и пространства. Если политики хотят усилить гражданское общество, деятельность по охране наследия и окружающей среды может стать для этого прекрасным полем. Кроме того, граждане могут эффективно в нее вмешиваться, защищая дух места от нивелировки, выбирая путь так называемой модернизации без «вестернизации». Так что активная деятельность по охране наследия помогает городам избежать негативных последствий экономической глобализации и глобализованной культуры.

К ресурсам урбанистического наследия следует отнести и элементы нематериальной культуры города: образ жизни, танцы, театр, музыку, изобразительное искусство, ремесла, которые неизбежно находятся под влиянием их физического окружения, более того, они из него возникают. Поэтому теперь нам надо подробнее рассмотреть проблемы сохранения и использования ценностей нематериальной культуры.